

Городское право: НЕВОЗМОЖНЫЕ ОБЪЕКТЫ И НАРРАТИВЫ

Наталия Волкова¹

*С благодарностью ААВ за возможность спорить и не соглашаться,
за представление о городе как о пространстве права и свободы*

Находясь в пространстве перемен, делать выводы и пытаться говорить о каких-либо явлениях определенно становится практически невозможно. Современная социальная топология, акторно-сетевая теория, объектно-ориентированная философия активно конкурируют уже несколько десятилетий, пытаются дать определение и описать невозможные, непредставимые, не поддающиеся описанию объекты. Однако, находясь здесь и сейчас, приходится задаваться вопросом не о невозможных объектах, а о невозможных историях и нарративах, которые пытаются объяснить необъяснимое, увидеть рациональность там, где она, кажется, отсутствует, собрать образ из рассыпающихся фрагментов. Невозможные нарративы оказываются где-то между нелинейным кусочно-прерывистым письмом Вальтера Беньямина² и сложносочиненными кинематографическими образами Пиранези или венецианских каприччо³. Они теряют четкую временную структуру и становятся пространством плетения сетей, которое описывает Донна Харауэй⁴, но в этом пространстве ока-

зываются совмещены различные темпоральности и времена, о чем говорит Карен Барад⁵. Однако чем дольше и детальнее мы пытаемся описать невозможный нарратив, тем больше мы углубляемся в детали и рискуем потерять из виду целое – и это постоянное удержание единства разномасштабного образа, необходимость объединять несоединимое является отличительной чертой невозможного нарратива.

Если смотреть хронологически, этот номер не ставил и не мог ставить себе задачу попытаться говорить о невозможных нарративах. Когда номер только задумывался два года назад и даже когда он начал обретать более четкие формы в виде приглашения к участию (*call for papers*), ситуация с городским правом была сложной, но оно продолжало работать регулярным образом. Были неясны эмпирические пределы действенности городского права, где регулирование теряет силу и становится невозможным, как описать эту невозможность. К моменту выхода номера эту невозможность уже можно на-

1. Волкова Наталия Алексеевна, MA in Sociology (University of Manchester, Hons.), магистр градостроительства (ВШУ им. А.А. Высоковского НИУ ВШЭ), преподаватель Московской архитектурной школы (МАРШ); Российская Федерация, 105120, г. Москва, Нижняя Сыромятническая ул., д. 10, стр. 2. E-mail: chestrek@gmail.com. Научные интересы: социальная теория, социальная топология, социология права, социология города.

2. Беньямин В. (2004) Рассказчик // Маски времени. Эссе о культуре и литературе. М.: Симпозиум. С. 383–418; Lash S. (1998) Being after time: towards a politics of melancholy // Journal for Cultural Research.. No. 2 (2–3). P. 305–319.

3. Эйзенштейн С.М., Наум И., Забродин В., Трошин А.С. (2004) Неравнодушная природа. М.: Музей кино Эйзенштейн-центр.

4. Харауэй Д. (2020) Оставаясь со смутой: Заводить сородичей в Хтулуцене. Пермь: Hyle Press.

5. Barad K. (2017) What Flashes Up: Theological-political-scientific Fragments // Entangled worlds. Fordham University Press. P. 21–88.

блюдовать явным образом в виде соединения двух крайностей: чрезвычайного права и права, построенного на представлениях о норме, устойчивости норм и их изменениях⁶. Сочетание противоположностей не отменяет реальности каждой из крайностей, хотя и делает существующее между ними пространство предельно неопределенным. Степень неопределенности зависит напрямую от того, сколько существует общего или различного между двумя крайностями. Невозможный объект возникает в точках соприкосновения противоположных крайностей, а невозможный нарратив показывает, как изменяется объект, переходя из крайности в крайность⁷.

В этом номере присутствуют два предельных порядка, которые условно обозначают две крайние формы существования городского права: неолиберальный порядок евро-американского права и российский постсоциалистический порядок. Противопоставление двух порядков основывается на допущении, что существующие способы описания глобального порядка недостаточны и не позволяют объяснить пространство изменений, в котором мы находимся. Это допущение не предполагает оценок с позиции международного права, но позволяет определить стратегию ответа на вопрос, как от ситуации глобального порядка произошел ускоренный переход к радикальным переменам. Перспектива, которую предлагает данный номер, пытается преодолеть классическую пространственную логику противопоставления центра и периферии⁸ и показать, что крайности и конкурирующие порядки взаимно дополняют друг друга и поэтому не могут находиться в отношениях центральности или периферийности⁹.

Определяя неолиберальный и постсоциалистический порядок, я исхожу из тезиса, предложенного Мишелем Фуко в лекционном курсе «Рождение биополитики»¹⁰. Фуко утверждает, что немецкий неолиберализм сочетал в себе элементы капитализма как основы права и социализма как системы обязательств и ограничений. В то же время Фуко отказывал социализму в наличии собственной правительственности или возможности управлять, указывая на приверженность социализма догматическому, а не критическому способу чтения текстов. Не пыта-

ясь оспорить тезис Фуко, который, как мне кажется, прекрасно оспаривают работы Мэри Дуглас об анклавной религии¹¹ и Аннмари Мол и Джона Ло о социальной топологии¹², я предполагаю, что постсоциализм имеет то же основание в виде сочетания капитализма и социализма, но с диаметрально противоположными ролями. Если это предположение верно, то все документы, правовые объекты и другие институциональные формы, которые путешествуют между неолиберальными и постсоциалистическими порядками, выступают как репрезентации в этих порядках невозможного объекта – мягкого¹³ правового регулирования. Задача этого номера – наметить точки, с которых можно начать описание мягкого регулирования в качестве особой реальности, которая существует не на периферии права, а является его инаковой, альтернативной формой¹⁴.

В каждом разделе номера – об инфраструктуре, о застройке и о правовых инструментах – присутствуют эти два измерения: неолиберальное и постсоциалистическое. Объекты, за которыми авторы пристально наблюдают, – партиципаторное бюджетирование, благоустройство, программы реновации, документы исторического поселения, генеральные планы, правовое зонирование, правила землепользования и застройки – требуют очень осторожного отношения, поскольку они не являются устойчивыми, а путешествуют между разными правовыми системами (французской, американской, канадской и российской) и разными временами (позднесоветским и постсоветским градостроительством). Таким образом, каждый из авторов пытается реконструировать особую траекторию невозможного нарратива, которую создает его объект. Собранные вместе, невозможные нарративы городского права показывают, где и каким образом возникают точки контраста между разными логиками, как они размечают пространство мягкого регулирования, которое не может быть явным образом представлено в рамках оппозиции неолиберализма и постсоциализма.

Даниил Почукаев и Андрей Кузнецов в статье, открывающей номер и блок об инфраструктуре, исследуют возможности и ограничения программы партиципаторного бюджетирования «Твой бюджет»

6. Волкова Н. А. (2021) Правила городского зонирования: правовая изменчивая техника // Экономическая социология. № 22 (5). С. 54–82.

7. Ло Д. (2015) После метода: беспорядок и социальная наука. М.: Изд-во Института Гайдара.

8. Смирнова В. К., Зупан Д. (2019) Введение. Город между центром и периферией // Городские исследования и практики. № 2 (4). С. 7–20.

9. Де Лаэт М., Мол А. (2017) Зимбабвийский втулочный насос: механика текучей технологий // Логос. № 27 (2). С. 171–232.

10. Фуко М. (2010) Рождение биополитики. СПб.: Наука.

11. Douglas M. (2001) In the Wilderness: The Doctrine of Defilement in the Book of Numbers. Oxford / New York: Oxford University Press.

12. Mol A., Law J. Regions (1994) Networks and Fluids: Anaemia and Social Topology // Social Studies of Science. No. 24 (4). P. 641–671.

13. Если взять определение Мари-Жозе Мондзен, то такое регулирование надо было бы называть «экономным», если сослаться на Пьера Бурдые – «социальным правом», а в экономике права переход к мягкому регулированию называют Renew Deal. Мондзен М.-Ж. Образ, икона, экономия: византийские истоки современного воображаемого. М.: V-A-C Press, 2022; Бурдые П. Власть права: основы социологии юридического поля // Бурдые П. Социальное пространство: поля и практики. СПб.: Алетейя, 2005; Lobel O. The Renew Deal: The Fall of Regulation and the Rise of Governance in Contemporary Legal Thought // Minn. L. Rev. 2004. No. 89. P. 342.

14. Ло Д., Вахштайн В.* (2006) Объекты и пространства // Социологическое обозрение. № 5 (1). С. 30–42. См. также: Кузнецов А. Г., Шайтанова Л. А. (2012) Маршрутное такси на перекрестке режимов справедливости // Социология власти. № 6–7. С. 137–149.

в Санкт-Петербурге. Они прослеживают весь путь развития патиципаторной инициативы по строительству памп-трека – от первой заявки до реализации проекта. При этом они подчеркивают, что экспертизы, которая была необходима для создания проекта, ни у одного из участников не было – наоборот, она формировалась постепенно. Изначальный проект не подходил под заданные параметры – он был дороже минимальной возможной суммы парципаторного участия и стал возможен только благодаря пересмотру структуры финансирования проекта Комитетом финансов Санкт-Петербурга. В результате получившийся памп-трек не следовал нормам, а создавал их в форме, которую авторы статьи называют *гетерогенной нормативностью*. В таком случае гетерогенность нормативности задается не столько способами организации сборок-ассемблей, сколько частичной реализацией отдельных этапов, невозможностью реализовать в полной мере задуманное и необходимостью менять по ходу дела отдельные параметры. Последовательность частичных реализаций постепенно формирует новое правило, новую экспертизу и тип знания. Эмпирическая экспертиза как предустановленная данность оказывается невозможной, она все время требует подтверждения.

Дэниел Барбер в статье, переведенной Андреем Васильевым, говорит о двух типах невозможности: во-первых, о невозможности и недостижимости неограниченного комфорта, во-вторых, о невозможности и трудностях, связанных с попытками проектировать дискомфорт. Эти два измерения важны при рассмотрении российского городского права, хотя сам текст обращен к архитекторам, а не к планировщикам. Начиная с 2017–2018 годов в России на федеральном уровне была принята программа формирования городской среды, ключевым элементом которой служило представление о комфорте для горожан сначала в крупных, а затем в малых городах и исторических поселениях. Барбер критикует стремление к тотальному и часто внешнему комфорту, однако на примере российских кейсов мы видим, какова цена стремления к невозможному и недостижимому. Иллюзия, что недостижимое достигаемо, производится за счет внешних эффектов, ограничивающих возможности реалистичной координации и медиации, которые были в кейсе памп-трека, и производит расщепление между практиками и их медийным представлением.

Расщепления практик и их медийных и/или правовых репрезентаций возникает при игнорировании дискомфорта и детально обсуждается в следующем разделе номера – об объектах и застройке: «Реновация и сохранение». Анализ, который предлагают Генола Инизан и Ольга Сулова, показывает ограниченность сопоставлений внешне схожих явлений, которые существуют в конкурирующих по отношению друг к другу порядках, неолиберальном и постсоциалистическом. Авторы показывают, как происходит постепенный переход от четких

пространственных методов определения способов и объектов реновации к более гибким и сложным правовым и техническим инструментам. Программы реновации и во Франции, и в России выступают в роли государственных мега-проектов не только в пространственном, но и в правовом плане. Следуя за мыслью авторов, мы наблюдаем, как размываются изначальные цели, изменяется масштаб проектов и оказывается невозможным предсказать, какие именно пространственные и временные эффекты сложатся внутри рамочной концепции «реновации территории». С одной стороны, авторы показывают, как в трех масштабах – пространственном, социальном и политическом – различным образом развиваются проекты реновации во Франции и в России. Во Франции процесс реновации универсален, но направлен на децентрализацию и решение локальных проблем и тем не менее показывает ограничение действия демократических институтов. В России реновация управляется административно в пределах городов-регионов, публично направлена на решение технических, а не социальных проблем и использует демократические институты для того, чтобы подчинять действия локальных сообществ административной логике и решениям «сверху». В обоих случаях *правовая цель реновации*, как подчеркивают авторы, оказывается неустойчивой. Однако можно развить это утверждение дальше: под вопросом оказывается идея легальности или права как инструмента достижения справедливости, социальной или утилитарной. Мы видим, что социальные или технические проблемы маркируют две предельные цели утилитарного или социального порядка, основанного на правилах, который тем не менее в каждом из случаев оказывается частичным и неполным.

Вторая статья этого раздела представляет собой эксперимент с форматом представления исследования в области городского права. Если статья Инизан и Суловой строится как классический вариант сравнения двух кейсов, то описание статистики и основных параметров правового института исторических поселений в России Снежана Грозовская представила в формате обзора данных за период 2010–2021 годов. Подобная практика технических и эмпирических обзоров имеющейся и специально собранной статистики и данных распространяется последнее время в количественных исследованиях в точных и естественных науках, однако гораздо реже встречается в качественных исследованиях. Однако, учитывая существующее представление о противоречивости и неполноте российской городской статистики, на которое обращают внимание, в частности, Инизан и Сулова, подобный обзор приобретает дополнительное значение и задает рамку для исследования упорядочивания данных о городах. Вопросы, которые ставит Грозовская, затрагивают не только исторические поселения, но могут быть адресованы и другим правовым институтам российских городов. По-

чему правовые и охранные практики в российском пространстве так трудно поддаются статистическому обобщению и описанию? Что делает для постсоциалистических практик невозможным их гладкое статистическое описание в его нынешней форме?

Третий блок номера имеет исторический характер и посвящен развитию правовых инструментов в трех различных географических измерениях: российском, американском и канадском. Эти три версии истории городского регулирования также, в свою очередь, представлены в разных формах. Первый обзор постсоциалистического права в России отражает некодифицированный характер его истории и фактически является первым наброском для возможного исторического исследования его практик. Александр Антонов в разговоре с Анной Алимпиевой выделяет основные, характерные черты постсоциалистического городского права: постоянный прессинг необходимости ускорения и модернизации, возникающее из-за этого стремление к постоянному расширению и освоению «нового» – территорий, инструментов, концепций, – переходные, неустойчивые пространства и воспроизводящиеся проблемы, которые возникают в результате городского управления. Парадокс постсоциалистического права в этом смысле можно объяснить тем, что его определяют не механизмы воспроизводства методов анализа и решения проблем, а методы воспроизводства проблем, которые оказываются гораздо устойчивее правил.

Другой подход к воспроизводству проблем показывает Мариана Вальверде, перевод (выполнен Андреем Васильевым) ее классической статьи о городском праве опубликован в заключительной части номера. Рассуждая в фуколдианской перспективе, Вальверде ставит под вопрос сложившуюся англо-американскую логику регулирования землепользования через установление правил использования земли, которые на муниципальном уровне ограничивают частные права собственников. Конфликт между публичным городским правом и частным правом собственников, который при этом возникает, выступает для Вальверде отправной точкой для обсуждения особого правового инструмента – категории «неудобства», которая позволяет наделить правовым статусом исключения из существующих правил. Важным моментом, на который обращает внимание Вальверде, является историческое изменение самой категории неудобства: от анахронического, домодерного инструмента через эпоху высокого модерна и городского регулирования к возрождению этой категории в ответ на гетерогенность и сложность городских отношений в период заката модернистской логики. Таким образом, Вальверде указывает на социальный ха-

актер упорядоченного регулирования и воспроизводства неудобств, в отличие от технических проблем, которые возникают при нерегулируемых отношениях и конфликтах, о которых говорит Антонов.

Переход между двумя типами проблем и неудобств, регулируемых и нерегулируемых, а также между упорядоченным действием неолиберальной логики зонирования и постсоциалистических практик показывает исследование Романа Бабейкина. Хотя обзор существующих публикаций как основной метод исследования, выбранный Бабейкиным, фокусируется на экономическом измерении правового зонирования, его выводы выходят за пределы экономического анализа и даже экономики права. Заключительная схема, которая суммирует основные различия и изменения в определении правового зонирования в американской практике с дополнением к российским и канадским кейсам, позволяет связать и противопоставить «социальному комфорту» «экономический рост», который может вызывать дискомфорт, публичному (обобщенному) благополучию общества – благополучие ограниченного сообщества. Если соотнести логику этих различий с двумя предыдущими разделами номера про инфраструктуру и объекты, то можно говорить о том, что, с одной стороны, порядку и комфорту противопоставляются проблемы и дискомфорт, а с другой – есть два способа воспроизводства (бес)порядка: социальный и технический. И если российское право на уровне инструментов стремится к обобщенному порядку и благополучию за счет частного дискомфорта и экономического роста, то американское право пытается достигнуть частного комфорта за счет баланса между воспроизводством обобщенного благополучия / порядка и проблемами / частными интересами и конфликтами между ними.

В результате можно сформулировать предварительный ответ, который дает предлагаемый читателю номер на вопрос: каким образом могут существовать не только невозможные объекты, но и невозможные, не объяснимые в рамках одной логики нарративы? Модерная наука ориентируется на воспроизводство методов и устойчивость научных практик, которые подвергаются сомнению ее критиками, в частности исследователями науки и техники (Science and technology studies, STS) и акторно-сетевой теории, начиная с конца 1970-х годов. Однако эти исследователи не говорят о том, что приходит на смену устойчивым современным методам. Лишь в 2000-е годы Латур и Ло начинают говорить о проблемах как основном инструменте социальных исследований и исследований науки.¹⁵ В текстах, которые собраны в этом номере, показано, что не-

15. Latour B. (2004) Why has Critique Run out of Steam? From Matters of Fact to Matters of Concern // Critical Inquiry. No. 30. P. 225–248; Law J. (2004) Matter-ing: or how might STS contribute? // Centre for Science Studies, Lancaster University, Paper for 1-day workshop at the Saïd Business School, Oxford University, 30th June, 2004 'Does STS Mean Business'. URL <http://www.heterogeneities.net/publications/Law-2009TheGreer-BushTest.pdf> (accessed 03 October 2022).

возможно воспроизводство *только порядка* или *только проблем* – одно не существует без другого, нарратив не существует как последовательность дискретных событий. Наоборот, невозможный нарратив представляет собой плотную насыщенную структуру наподобие кролика-утки Витгенштейна: там, где нет воспроизводства порядка, есть воспроизводство проблем. Причем границы проблем и порядка, различных нарративов и сценариев могут пересекаться и накладываться, образуя в результате плотную ткань не только вербального, но и визуального или эстетического образа. Пример подобной

плотной ткани могли бы показать рецензии на две важные теоретические книги, вышедшие на русском языке в 2022 году: перевод классической работы Лео Штрауса «Город и человек»¹⁶ и книга Виктора Вахштайна^{17*} «Воображая город». Оба текста представляют собой насыщенную среду, которую можно интерпретировать не только концептуально, но и организационно: как сократовский диалог у Штрауса и картографию теорий у Вахштайна*. Однако рецензии не состоялись – мы живем в пространстве изменений, – и теперь осталась лишь отсылка к ним в конце введения как надежда на продолжение разговора.

16. Штраус Л. (2021) Город и человек. СПб.: Владимир Даль.

17. Вахштайн В. С.* (2022) Воображая город. Введение в теорию концептуализации. М.: НЛО.

* Признан иностранным средством массовой информации, выполняющим функции иностранного агента